

БЕЗ СИНЯКОВ ХОДИТЬ НЕ НАУЧИШЬСЯ

Интервью Нодара ДУМБАДЗЕ

— Я смотрю на иных теперешних мальчишек и удивляюсь — они проводят свое детство за высоким частоколом запретов: стой здесь, иди туда, не трогай ножницы, не подходи к газовой плите... Нельзя научиться ходить, если не нажать синяков и ссадин, и что огонь жжет, можно выяснить лишь на собственном опыте. Мы росли во дворах и на деревенских улицах. Игнали с утра до вечера — в сороковые не было еще таких спортивных секций, как теперь, или, вернее, спорт начинался тогда, когда игры детства кончались, — вспоминает писатель Нодар ДУМБАДЗЕ (55), прозаик, лауреат Ленинской премии. В своих книгах он часто обращается к проблемам становления личности, к воспитанию таких черт человеческого характера, как мужество, стойкость, благородство.

— Мне хотелось бы спросить вас о том, что, по-видимому, имеет непосредственное отношение к судьбе вашего поколения. Речь идет о воспитании мужества. Почему, с вашей точки зрения, одни вырастают людьми нравственно сильными, склонными жить по принципу «Я отвечаю за все», а другие вступают во взрослую жизнь изнеженными, эгоистичными, инфантильными созданиями?

— Тут можно было бы ответить просто: в моем поколении подобная душевная робость была явлением чрезвычайно редким прежде всего потому что нам выпало трудное время, которое само испытывало нас на прочность и закаляло... Но такой ответ грешил бы внутренней неточностью.

Что значит «время само»? А памятные нам родительские усилия, а собственное тяготение стать настоящим человеком, которое было характерно для лучших моих сверстников, а суровые и одновременно добрые законы, по которым жило наше общество? И, наконец, подобный ответ можно было бы понять так, что, дескать, нынешняя относительно спокойная, благополучная жизнь не требует мужества от молодых — а разве это так?

Формирование натуры честной, доброй, стремящейся помогать другим, способной достичь избранной цели, благородной — это процесс необычайно сложный и многогранный. В сущности, вся мировая

литература посвящена этой проблеме. Наивно было бы думать, что в нашем интервью можно найти решение вопроса. Я могу лишь повторить известную истину: взрослость начинается в раннем детстве.

Мой дед Кишварди хотел, чтобы я поскорее стал взрослым. Он учил меня работать мотыгой и плести корзины, доверял мне топор и даже ружье, отпускал меня ночью на мельницу, а идти надо было довольно далеко, одному, по пустынной горной дороге. А бабушка... Я помню, как к ней пришла соседка и попросила спичек, которые в те военные годы были редкостью в деревне. И моя добрейшая бабушка оглянулась на меня и серьезно ответила: «Я должна спросить у мужчины...»

Когда два ребенка впервые в жизни побегут рядом, они непременно побегут наперегонки. Стремление к соревнованию — в природе человека. Я думаю, что пьедестал почета с тремя ступенями, расположенными на разной высоте, — мудрое изобретение. В нем глубокая аллегория: когда слабый от рождения одолевает себя, он в буквальном смысле растет в глазах окружающих.

— Нодар Владимирович, вы заговорили о спорте, а я вспомнил описанный вами в «Закоме вечности» спор парней из старого тбилисского района Верэ: «После политики настал черед футбола. Тут дело

пошло на лад. Во всем мире нашелся один-единственный человек, удовлетворявший спортивным и моральным требованиям верийской молодежи, — Борис Пайчадзе».

Что вы думаете о влиянии кумиров на умы молодых людей?

— Что касается Бориса Пайчадзе, то этот футболист, долгие годы возглавлявший тбилисское «Дина-

Мальчишки везде мальчишки. Ливень им — лишний повод для радости.

мо», — рыцарь без страха и упрека не только по мнению моих земляков, но и по оценке всей мировой спортивной общественности. О том, как важны для ребят, да и не только для них, не риторические призывы, а личные, конкретные примеры, я думаю то же, вероятно, что и вы. Все дело в том, чтобы реальные идеалы подростков или персонажи книг, фильмов были мужественны и благородны. Лишь при этом «сработает» их положительный заряд.

— Замечательный актер Аркадий Райкин сказал как-то, что художник — это человек, который носит детство в кармане. Вы с ним согласны?

— Согласен. Для меня вечный символ детства — цирк. В нашем дворе жил мальчик, который помогал ухаживать за животными в цирке, и по праву почти артиста он воедил нас на представления. Запах цирка запомнился на всю жизнь.

— Но «детство, которое в кармане» — это и мальчишеская жестокость.

— Детская жестокость — крайность, максимализм. Она сродни неумению и нежеланию понимать чужие резоны, вникать в побуждения других, проявлять терпимость к чьим-то слабостям. Долгая взрослая жизнь учит всему этому, сдвигает с нас максимализм, как кору со ствола.

В детстве я ходил с рогаткой, но когда приехал к деду в деревню, увидел все живое словно бы другими глазами.

— Есть ли мальчишки в вашей семье?

— Меня судьба наградила двумя дочерьми; а вот внуки — мальчишки: Нодар и Леван. Растут они крепкими, подвижными и довольно самостоятельными ребятами. Старший ходит сейчас в детский сад и мечтает стать пиратом. Кто из нас, говоря по совести, об этом не мечтал?

Интервью взял
Сергей ВИШНЯКОВ.